

2. Озерова Е.Г. Библизмы как стилистические маркеры лирикопрозаического текста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – № 20 (191). – 2014. – Вып. 23. – С. 28 – 34.

3. Озерова, Е.Г. Лингвопоэтика текста лирической прозы / Е.Г. Озерова // Когнитивные исследования языка – 2017. – №28. – С. 616-618.

4. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д. Н. Ушакова // Эл. ресурс. – Т.3 – М.: Советская энциклопедия, 1937. – 1576с. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru>

Abstract. The article is devoted to particularities of lyricprozial text based on the story by V. N. Krupina «Pen», examines the characteristics of narrative writer.

Key words: lyricprozial text, intentionality, narrative, implicit meaning, causatively.

Птахина Е. Ю.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА В ПОВЕСТИ А. А. ЛИХАНОВА «БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
794190@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается ономастическое пространство повести А. А. Лиханова «Благие намеренья». В ней утверждается, что антропонимы в литературных произведениях являются ярким отражением особенностей художественного стиля писателя. Они помогают лучше рассмотреть характеры персонажей, глубже раскрыть замысел писателя и идею произведения.

Ключевые слова: Ономастика, антропонимы, имена собственные, функции антропонимов, характерологическая функция, повесть А. А. Лиханова «Благие намеренья».

Любой писатель, являясь личностью творческой, на протяжении всей своей жизни создает особую картину мира, отражающуюся в его произведениях, являющуюся результатом его познавательной деятельности, отражающую определенный тип активности, жизненную позицию. Картина мира любого писателя передается средствами языка, самой языковой системой.

Фрагментом языковой модели мира автора является ономастическое пространство. В творчестве А.А. Лиханова в качестве единицы языковой картины мира выступают имена собственные, в частности, антропонимы.

Художественное произведение не может обойтись без имен собственных в их прямой, идентифицирующей функции. Имена собственные в художественном тексте так же, как и слова вообще, многофункциональны.

Одна из значительных функций имени собственного (и антропонимов в том числе) характерологическая. Лингвисты (Болотов, 1972: 43) считают ее несвойственной именам собственным в принципе. Однако ряд ученых (Бестужев-Лада И.В, Никольская Т.Е, Залевская А.А., Стальма-

хова Е.А., Абрамова Е.В) придерживаются противоположного мнения (Бестужев – Лада, 1970: 25) Именно антропонимы являются ярким отражением менталитета, служат показателем конкретной национальной и социальной принадлежности, т.е. выполняют социально-различительную функцию. Подтверждением характерологической функции антропонимов является использование их в творчестве писателей (Н. Гоголь, Л. Толстой, А. Чехов, И. Ильф, Е. Петров, М. Салтыков-Щедрин). При этом прослеживается стремление наделить антропонимы характеристическими качествами, это своего рода имена и фамилии – прозвища, которые отражают сущность, общественное положение, вкусы, привычки, мораль людей. Они не столько называют, сколько характеризуют и оценивают.

Характерологическая функция антропонимов слитна. С одной стороны, личные имена, выполняющие эту функцию, дают оценку героя-персонажа, с другой стороны – автора.

Имя человека, антропоним, – это индивидуальный знак, «различитель» человека, выделяющий его из всей массы людей. Человек и его имя – единое целое, хотя имя, казалось бы, ничего не сообщает нам о человеке. Имя человека – одно из важнейших составляющих его индивидуальности, именно поэтому оно входит первым компонентом в структуру самосознания.

В повести А.А. Лиханова «Благие намерения» антропонимы играют важную роль в раскрытии идейного содержания произведения. Речь идет о странном переплетении судеб Надежды Георгиевны, молодой учительницы словесности, и ее воспитанников – детдомовцев, которые волею случая оказались в школе-интернате. Их жизнь, их судьбы, в которых приняла участие и она, постоянно перекрещивались, расходились, сходились, чтобы через девять лет она услышала от них такое обыденное и простое – «мама Надя» и поняла, что дорога в ад вымощена не благими намерениями, а намерениями неисполненными. И потому мы в ответе за тех, кто нам доверяет.

В этой повести антропонимы используются в качестве характеристики, как взрослых, так и детей, выступают в формах трехчастного имени, имени-прозвища, одного отчества, в них выражается позиция автора, и каждое употребление оправдано.

Главная героиня повести – Надя, Надежда Георгиевна, от лица которой идет рассказ, – учитель словесности и, наверное, поэтому имена окружающих ее людей сразу же ассоциируются в ее сознании с литературными героями.

Дома ее окружают люди с красивыми именами – Ольга, Сергей, Татьяна, Кирилл. Она сравнивает их с Ольгой и Татьяной Пушкина, Кириллом Извековым Фемина и восклицает: «Боже, но как далеки мои близкие и знакомые от этих героев!» (Лиханов, 1985: 131). Эти слова героини убеждают в том, что грань между знаменитыми личными именами собственными и незнаменитыми личными именами

собственными проходит широкой полосой переходных, колеблющихся случаев. Любые русские имена, взятые сами по себе: Татьяна, Евгений, Кирилл, Ольга – вне их связи с историко-литературными или художественно-эстетическими ассоциациями, обобщенно-понятийных значений не имеют. Те же самые имена, но в ассоциации с творчеством великого русского поэта и его эпохой обретают целую гамму идейно-эстетических значений. И так хочется, чтобы Кирилл был сильным, Татьяна – кроткой и нежной, а Ольга – светлой и справедливой.

Однако имя и характер человека, носящего его, не всегда совпадает с нашим представлением и пониманием. Надежда еще раз убеждается в том, что первое впечатление бывает обманчивым, что не всегда человек соответствует своему имени, уже работая в школе – интернате. Коренным образом меняется ее отношение к молодожавой семейной паре – Игорю Павловичу и Агнессе Даниловне. Они берут из интерната девочку, желая усыновить ее, а затем понимают, что поторопились с решением, и возвращают ребенка, забывая при этом, что ребенок – не вещь, а маленький человечек, верящий в то, что он обрел семью – папу Игоря и его жену. Но прагматики-взрослые осознали, что «привычка к покою сильнее интереса к чужому ребенку» (Лиханов, 1985: 154). Жестоко и цинично, но это реальная жизнь. Изменение отношения к этим людям передается в тексте не только с помощью интонационных конструкций, глаголов и наречий, но и с помощью антропонимов. Если при первой встрече Надя говорит об Игоре Павловиче: «Вылитый князь Игорь, только наших нынешних времен... Агнесса Даниловна – имя такое необычное, этакая лебедь», то в момент последнего разговора она видит перед собой уже «человека, похожего на князя Игоря», и замечает, что Агнесса – «слащавое имя» (Лиханов, 1985: 178).

В повести «Благие намерения» А.А. Лиханов сочетает употребление исконных и заимствованных имен простых и понятных каждому человеку и неожиданных, «трудных» – Надежда, Любовь, Лепестинья, Виктор, Аполлон Аполлинарьевич, Елена, Анна, Юра, Маша, Леня, Зина.

Нельзя не согласиться с Надеждой, юной Наденькой, говорящей, что ей везло на имена. Конечно же, самым особенным было имя директора школы – Аполлона Аполлинарьевича. Любое имя, как указывает И. В. Бестужев-Лада, выполняет не только социально-различительную, но и ритуальную функцию, то есть функцию соответствия традициям, обычаям, моде, личным вкусам (Бестужев-Лада, 1970: 16). Аполлон Аполлинарьевич – настоящий интеллигент, он родился в доме учителей-естественников, которые, по его словам, могли бы составить целое педагогическое общество.

Как известно, в художественном произведении доминирует эстетическая функция слова. При этом слова различаются по степени их

эстетической загруженности. Среди имен собственных эстетически нагруженными, «говорящими» являются трансформированные личные имена и прозвища людей.

Прозвища специально создаются как характеристики личных качеств героев, особенностей их внутреннего мира, родственных связей, совокупности внутренних и внешних признаков. Например, у Аполлона Аполлинарьевича было ласкательное прозвище Аполлоша: в этом слове не было ничего обидного, зато было точное совпадение с внешностью аполлона Аполлинарьевича. «Он состоял из круглой лысой головы, точно вырезанной по циркулю, из круглых очков, круглого туловища, да и ладошки были у него уютно кругленькими, ... и вообще он был весь уютненький, этот Аполлоша» (Лиханов, 1985: 135).

Чаще всего главную героиню повести называют по имени – отчеству, потому что сочетание Надежда Георгиевна также продумано автором. Имя Надежда – старославянское. Характер Надежды сочетает мужскую твердость и расчетливость, целеустремленность, скрытность и возвышенную эмоциональность, страстность, щедрость, способность все принимать близко к сердцу. Именно такой является героиня повести. При первой же встрече она получает прозвище от Аполлона Аполлинарьевича, и прозвище напрямую связано с ее отчеством. «Это, какого же Георгия? Победоносца? Надежда Победоносная? Послушайте сами! Любовь победоносная? Вполне вероятно! Вера Победоносная? возможно! Но Надежда! И Победоносная! Как необыкновенно! Вы словесник! Вы должны слышать, о чём я говорю» (Лиханов, 1985: 132). Прозвище Победоносна», Победительница закрепилась за Надеждой, несмотря на то, что она себя победительницей никогда не ощущала, но победила многих, когда решала для себя, что жить надо не только благими намерениями, но и благими делами.

Лепестинья – это удивительное имя квартирной хозяйки Надежды Георгиевны. Значение этого антропонима трудно объяснить, оно не фиксируется словарями имен, однако в тексте Лепестинью называют Липой, а это имя восходит к греческому языку Олимпиада. Но, это только предположительно, поскольку еще ребенком Лепестинья попала в детский дом, а помнила она свое имя или нет, об этом ничего не говорится в повести. Однако характер ее полностью соответствует имени Олимпиада. Она лишена романтичности, твердо стоит на земле, любое дело спорится в ее руках, может осуществить любой замысел, своей неиссякаемой энергией притягивает к себе людей. С ней очень приятно общаться, потому что она щедра душой и умна.

В повести проходят чредой имена детишек – детдомовцев, и каждое имеет свою историю. Отчество и фамилию Зины Пермяковой определили коллективом Дома ребенка. Имя в честь Героя Советского Союза Зинаиды Портновой, отчество – произвольно – Ивановна, фамилия в честь Перьми, где она передана в Дом ребенка, Саша Суворов получил имя в честь полководца Александра Суворова. Сколько таких

детей, у которых теперь новые имена, как сойдутся они со своими хозяевами, ведь имя во многом определяет человеческую судьбу, потому что получение человеком имени при рождении выступает своеобразным ритуалом принятия в общество людей. Становление человека в дальнейшем предполагает формирование у него уважения к человеческому имени как проявлению личностного «Я» – своему и окружающих. И, так хочется, чтобы Анечка Невзорова стала «грациозной, миловидной и несла благодать», потому как переводится ее имя с древнееврейского языка (Грушко, Медведев, 1997: 410). Саша Суворов стал «защитником людей» (Грушко, Медведев, 1997: 24); чтобы Коля Урванцев стал не просто «победителем народов» (Грушко, Медведев, 1997: 258), а побеждающим любовью; чтобы Женечка Андропова отвечала бы во всем значению своего имени «благородная» (Грушко, Медведев, 1997: 48).

Подчеркнем, что использование антропонимов в тексте повести позволяет проявить творческую способность А.А. Лиханова найти в языке характеризующую единицу, соотнести ее с персонажем, отразив соответствующие его качества. А.А. Лиханов оживляет внутреннюю форму имени до такой степени, что оно оказывается существенной единицей языкового пространства произведения.

Таким образом, антропонимы, которые выполняют характерологическую функцию, являются проявлением эстетической функции произведения, отражением языковой картины мира писателя.

Литература

1. Беленькая, В. Д. Топонимы в составе лексической системы языка [текст] / В. Д. Беленькая. – Москва: Изд-во МГУ, 1969. – 168 с.
2. Бестужев-Лада, И. В. Исторические тенденции развития антропонимов [текст] / И.В. Бестужев-Лада // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. – Москва, 1970.
3. Болотов, В.И. К вопросу о значении имен собственных [текст] / В. И. Болотов // Восточнославянская ономастика. – Москва, 1972. – С.333– 346.
4. Грушко, Е. Словарь имен [текст] / Е. Грушко, Ю. Медведев – Нижний Новгород: Русский купец, 1996 – 655 с.
5. Лиханов, А.А. Повести и рассказы [Текст] / А.А. Лиханов. – Москва: Современник, 1985.

Abstract. This article discusses the onomastic space of the novel A. A. Likhanova «Good intentions». It argues that the anthroponyms in literary works are a shining reflection of the peculiarities of literary style of the writer. They help to better examine the characters deeper to uncover the intent of the writer and the idea works.

Keywords: Onomastics, anthroponyms, proper names, anthroponyms functions, character function, the novel by A. A. Likhanova «Good intentions».